

3. Научные публикации

осветить распространение кантовских идей в области формальной логики и ситуацию с преподаванием логики на рубеже XVIII-XIX веков.

Список литературы

1. *Kant, I.* Gesammelte Schriften. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
2. *Kant, I.* Logik-Vorlesung. Unveröffentlichte Nachschriften. Kant-Forschungen 8, 9. Hamburg, 1998.
3. *Кант И.* Логика / Пер. на русск. И.К. Маркова, перераб. В.А. Жучковым // Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996.
4. *Boswell, T.* Quellenkritische Untersuchungen zum Kantischen Logikhandbuch. Frankfurt/M, Bern, New York, Paris, 1991.
5. *Conrad, E.* Kants Logikvorlesungen. Stuttgart, 1994.
6. *Meier, G.Fr.* Auszug aus der Vernunftlehre // Kants Gesammelte Schriften, Bd. XVI.
7. *Pinder, T.* Zu Kants Logik-Vorlesung um 1780, anlässlich einer neu aufgefundenen Nachschrift. In: Kant-Forschungen 1. Hamburg, 1987. S. 79 – 114.
8. *Risse, W.* Bibliographia Logica. Bd. 1. Hildesheim, 1973.
9. *Sonderling, J.* Die Beziehungen der Kant-Jäscheschen Logik zu G.F. Meiers „Auszug aus der Vernunftlehre“. Diss. Berlin, 1904.
10. *Stark, W.* Neue Kant-Logiken. Zu gedruckten und ungedruckten Kollegeften nach Kants Vorlesungen über Logik // Kant-Forschungen 1. Hamburg, 1987. S. 123 – 164.

Г.Б. ЁЕШЕ [1]

Предисловие к компендиуму

«Логика Иммануила Канта. Руководство к лекциям» [2]

Уже полтора года прошло с тех пор, как Кант дал мне поручение обработать для печати его Логику так, как он излагал ее своим слушателям на публичных лекциях, и представить ее публике в виде руководства-компендиума. Для этой цели я получил его собственную рукопись, которой он пользовался на своих

лекциях, с выражением особенного, почетного доверия ко мне, что я, знакомый в общем с основными положениями его системы, и здесь легко пойму в ход его идей, не искажу или фальсифицирую его мысли, а представлю их с необходимой ясностью и точностью и одновременно в надлежащем порядке. Так как ныне, таким образом, я взял на себя почетное поручение и старался выполнить его настолько хорошо, насколько я мог в соответствии с желанием и ожиданием достопочтенного мыслителя, моего высокопочтенного учителя и друга, все, что относится к стилю, оформлению и исполнению, изложению и расстановке мыслей, может быть отнесено отчасти на мой счет, то естественным образом моя задача также – дать отчет об этом читателям данного нового кантовского сочинения. Итак, здесь приводится некоторое подробное пояснение по данному вопросу.

С 1765 года господин профессор Кант взял за основу для своих лекций по логике майеровский учебник (Георг Фридрих Майер «Извлечение из учения о разуме», Галле, 1752) [3] в качестве постоянного руководства по причинам, о которых он высказался в программе, изданной им для уведомления о своих лекциях в 1765 году [4]. Экземпляр упомянутого компендиума, которым он пользовался на своих лекциях, был, как все прочие учебники, которые он использовал в подобных целях, прошит бумагой [5]; его общие примечания и комментарии, как и специальные, которые относятся прежде всего к отдельным параграфам текста компендиума, находятся частью на проложенной бумаге, частью на пустых полях самого учебника. И это записанное в рассеянных примечаниях и комментариях образует теперь вместе собрание материалов, которые Кант составлял для своих лекций и которые он время от времени то расширял за счет новых идей, то вновь и вновь пересматривал и исправлял в отношении отдельных предметов. Оно содержит, следовательно, по меньшей мере главное из всего того, что знаменитый комментатор майеровского учебника в своих читаемых в свободной манере лекциях имел обыкновение сообщать своим слушателям о логике и что он считал достойным записывания.

3. Научные публикации

Что же касается изложения и расстановки предметов в этом труде, то я полагал точнейшим образом осуществить идеи и принципы великого мужа, если я в отношении порядка и подразделения целого придерживался бы в общем его недвусмысленного заявления, согласно которому в подлинной разработке логики, и в особенности в ее элементарном учении не может быть принято ни что иное, как теория о трех существенных главных функциях мышления: понятиях, суждениях и умозаключениях. Следовательно, все то, что имеет темой одно лишь познание вообще и его логическое совершенство и что в учебнике Майера предшествует учению о понятиях и занимает едва ли не половину всего учебника, должно быть поэтому причислено еще к введению [6]. «Прежде, – замечает Кант в самом начале восьмого раздела, в котором его автор излагал учение о понятиях, – трактовалось о познании вообще – как пропедевтика логики, теперь следует сама логика» [7].

Согласно этому категорическому указанию, я заимствовал отсюда все, что имело место до упомянутого раздела, во введении, которое получило по этой причине намного больший объем, чем оно имеет обыкновение занимать в других учебниках логики. Следствием этого было лишь то, что учение о методе, как другая главная часть трактата, должно было получиться тем более короче, чем более предметов, которые, впрочем, теперь по праву отнесены нашими новыми логиками к области методологии, было рассмотрено во введении, как, например, учение о доказательстве и т.п. Было бы так же излишним и неподобающим повторением упоминать эти предметы здесь еще раз в подходящем им пункте, для того чтобы сделать неполное полным и поставить все на надлежащее ему место. Последнее я, однако, все же сделал в отношении учения об определениях и логического подразделения понятий, которое в компендиуме Майера принадлежит уже к восьмому разделу, т.е. к элементарному учению о понятиях; порядок, который Кант также оставил в своих лекциях без изменений.

Впрочем, конечно же, само собой разумеется, что великий реформатор философии, и в особенности что касается порядка

и внешней формы логики, этой части теоретической философии, переработал бы логику согласно его структурному плану, основные черты которого были зафиксированы в «Критике чистого разума», если бы он только этого хотел и если бы его дело научного обоснования общей системы подлинной философии, философии действительной правды и совести, это столь важное и тяжелое дело, которое мог осуществить впервые он и только он один, позволило ему думать о самостоятельной переработке логики. Только эту работу он мог бы, пожалуй, предоставить другим, которые сумели бы с пониманием и беспристрастным суждением использовать его композиционные идеи для подлинно целесообразной и упорядоченной обработки и изложения этой науки. Этого следовало ожидать от многих основательных и непредрвзятых мыслителей среди наших немецких философов. И этого ожидания Кант и друзья его философии тоже не обманули. Многие новые учебники логики могут быть рассмотрены как более или менее, что касается порядка и расположения целого, плод тех кантовских идей в логике. И то, что эта наука действительно получила посредством их, — она хотя и не стала ни богаче, ни, в сущности, солиднее по содержанию или основательнее сама по себе, но, вероятно, более очищенной: отчасти от всех чужеродных ей элементов, отчасти от столь многих бесполезных тонкостей и исключительно диалектических игр; она стала систематичнее и, однако, при всей научной строгости метода, одновременно проще; в этом, пожалуй, каждого, кто, впрочем, имеет только правильное и ясное понятие о своеобразном характере и закономерных границах логики, должно убедить даже самое поверхностное сравнение старых учебников логики с новыми, переработанными согласно кантовским принципам. Ибо насколько многие среди старых руководств по этой науке могли бы выделиться научной строгостью в методе, ясностью, определенностью и точностью в объяснениях и убедительностью и очевидностью в доказательствах, настолько, однако, среди них нет почти ни одного, в котором границы различных, принадлежащих в широком смысле к всеобщей [8] логике, областей — исключительно пропедевтической, догматиче-

3. Научные публикации

ской и технической, чистой и эмпирической – не переходили бы друг в друга и друг через друга так, что одну от другой определенно нельзя отличить.

Хотя господин Якоб замечает в предисловии к первому изданию своей «Логике» [9]: «Вольф превосходно постиг идею всеобщей логики, и если бы этот великий муж снизошел до того, чтобы изложить чистую логику совсем обособленно, то он несомненно предоставил бы нам, благодаря его систематичному разуму, превосходное произведение, которое сделало бы все будущие работы этого вида ненужными». Однако он, к сожалению, не осуществил этой идеи, и никто среди его последователей также не осуществил ее; впрочем, заслуга, которую школа Вольфа имела в собственно логической, формальной полноте в наших философских познаниях, довольно-таки велика и в общем хорошо обоснована.

Однако ныне, несмотря на то, что еще могло и должно было произойти в отношении внешней формы логики для ее усовершенствования посредством необходимого отделения чистых и лишь формальных от эмпирических и реальных или метафизических положений, если оценка и определение внутреннего содержания этой науки как науки имеет силу, то суждение Канта по этому вопросу несомненно. Он несколько раз определенно и выразительно высказывался о том, что логика должна рассматриваться как обособленная, для себя существующая и сама в себе основанная наука, что она со времени своего возникновения и первого упорядочивания, от Аристотеля до наших времен, не смогла получить, по сути дела, ничего для научного обоснования. Следовательно, согласно этому утверждению, Кант не думал ни об обосновании самих логических принципов тождества и противоречия посредством высшего принципа, ни о дедукции логических форм суждений. Он признавал и трактовал принцип противоречия в качестве закона, который имел бы свою очевидность в себе самом и не нуждался бы в выделении из более высокого основания. Он ограничил только применение, действенность этого принципа тем, что изгнал его из области метафизики, в которой

догматизм пытался сделать его действительным, и ограничил чисто логическим применением разума как единственно действенным только для этого употребления.

Однако является ли действительно логический закон тождества и противоречия сам по себе совершенно не способным и не нуждающимся ни в какой расширенной дедукции, что уже, разумеется, другой вопрос, который вел бы к многозначному вопросу: дает ли он вообще первейший принцип всякого познания и науки, возможен ли и может ли быть найден таковой?

Наукоучение [10] полагает, что оно открыло такой принцип в чистом абсолютном Я и тем самым вполне обосновало общее философское знание согласно не одной лишь форме, но и содержанию. И при условии возможности и аподиктической действительности этого абсолютно всеобъемлющего и безусловно принципа оно поступает поэтому также совершенно последовательно, если оно логические принципы тождества и противоречия, законы: $A = A$ и $-A = -A$ – не оставляет в качестве безусловно действительных, а считает только подчиненными законами, которые, благодаря ей и ее высшему закону: Я есть, – могут и должны быть сперва доказаны и определены (См.: Grundl.d.W. L., S. 13) [11]. Подобным последовательным образом высказался также Шеллинг в своей системе трансцендентального идеализма против предпосылки логического закона в качестве безусловного, т.е. не выводимого ни из какого более высокого, между тем логика могла бы вообще возникнуть только посредством абстракции от определенного закона и, поскольку она возникает научным образом, только посредством абстракции от высших основоположений знания и, следовательно, уже иметь предпосылкой эти высшие принципы знания, а с ними само наукоучение. Однако, с другой стороны, если рассматривать эти высшие принципы знания как принципы, также необходимо уже предполагать логическую форму: таким образом, из этого возникает именно тот круг, который хотя и не может быть разрешен для науки, но, однако, может быть объяснен, объяснен через признание, наряду с этим, согласно форме и содержанию (формальному и материальному), первого прин-

ципа философии, в котором оба, форма и содержание, взаимно обосновываются и обуславливаются. В этом принципе заключался бы затем пункт, в котором Субъективное и Объективное, идентичное и синтетическое знание были бы одним и тем же.

При условии такого достоинства, которым, без сомнения, обладает такой принцип, согласно которому логика должна была бы быть подчинена, так же как любая другая наука, наукоучению и его принципам.

Какое бы значение это ни имело, совершенно точно установлено: в любом случае логика, что касается сути, неизменно остается внутри своей сферы, и трансцендентальный вопрос: способны ли и нуждаются ли логические законы еще в выведении из более высокого, абсолютного принципа – может иметь на нее саму и на действительность и очевидность ее законов так мало влияния, как трансцендентальная задача: как возможны синтетические суждения $a priori$ в математике? – имеет на чистую математику в отношении ее научного содержания. Как математик в качестве математика, так и логик как логик может внутри сферы своей науки спокойно и уверенно идти дальше при объяснении и доказательстве без необходимости заботиться о лежащем вне его сферы трансцендентальном вопросе философов-трансценденталистов и приверженцев наукоучения [12]: как возможна чистая математика или чистая логика как наука?

Вопреки всеобщему же признанию правильности всеобщей логики спор между скептиками и догматиками о последних основаниях философского знания никогда не велся, следовательно, в области логики, правила которой каждый разумный скептик так же хорошо признавал за действительные, как догматик, но всегда в области метафизики. И как это могло быть иначе? Главнейшая задача подлинной философии касается отнюдь не субъективного, но объективного, не тождественного, но синтетического знания. Следовательно, логика как таковая всецело выпадает при этом из игры, а это не могло прийти на ум ни критике, ни наукоучению – это еще повсеместно придет на ум философии, которая умеет определенно от-

личить трансцендентальную точку зрения от чисто логической – искать последние причины реального философского знания внутри области одной лишь логики и пытаться «выковырять» из закона логики, рассматриваемого лишь в качестве такового, реальный объект.

Тот, кто рассматривал колоссальное различие между подлинной (всеобщей) логикой как чисто формальной наукой, наукой одного лишь мышления как мышления, и охватывал взглядом и никогда более не оставлял без внимания трансцендентальную философию, эту единственную материальную, или реальную, чистую науку о разуме, сможет поэтому легко оценить, что означает новая попытка, которую недавно предпринял господин Бардили (в своих Очерках первой логики) [13], установить в самой логике ее Prius¹⁵, в ожидании найти на пути этого исследования «реальный объект – или посредством нее (одной лишь логики) установленный, или иначе полностью не установимый; ключ к сущности природы, данный посредством нее, или иначе ни логика, ни философия повсеместно невозможны». Однако на самом деле нельзя понять, каким возможным образом господин Бардили мог бы выявить реальный объект из установленного им Prius логики, принципа абсолютной возможности мышления, согласно которому мы можем бесконечное количество раз повторять Одно как Одно и То же самое во Многом (не Разнообразном). Этот мнимый вновь открытый Prius логики является, очевидно, просто ничем более и ничем менее, чем старым, с давних пор признанным, находящимся внутри области логики и поставленным на вершине этой науки принципом тождественности: то, что я думаю, – думаю я, и именно это и ничто иное я могу теперь повторно мыслить в бесконечности. – Кто же смеет думать при хорошо понятном логическом законе тождества также о Разнообразном, а не только о Многом, которое, конечно, возникает и еще может возникнуть не через что иное, как посредством только лишь повторения Одного и Того же самого мыш-

¹⁵ Лат. – прежде.

3. Научные публикации

мышления, т.е. простого повторения $A=A=A$ и так далее в бесконечность. Конечно, едва ли можно было бы отсюда на пути, который выбрал для этого господин Бардили, и согласно его же эвристическому методу, который он для этого использовал, найти то, в чем находился философствующий разум, начальный и конечный пункт, от которого он исходит при своих исследованиях и куда он мог бы снова возвратиться. Важнейшие и значительнейшие реплики, которые господин Бардили противопоставил Канту и его методу философствования, следовательно, тоже не могли бы опровергнуть как Канта-логика, так и, более того, Канта-философа-трансценденталиста и метафизика. Мы можем оставить их поэтому здесь в совокупности на принадлежащем им месте.

В заключение я хочу здесь еще заметить, что кантовскую «Метафизику», для которой я также уже имею на руках рукопись, я буду столь быстро, как мне позволит свободное время, обрабатывать и издавать тем же самым манером [14].

Кенигсберг, 20 сентября 1800.

Готтлоб Бенджамин Йеше,
доктор и приват-доцент философии
в университете Кенигсберга, член ученого
общества Франкфурта-на-Одере.

Примечания

[1] Готтлоб Бенджамин Йеше (1762 – 1842) – ученик и последователь Канта. Родился в Варгенберге, учился в Альбертине с 1791 г. В феврале 1799 г. возвратился после долгого отсутствия из Курляндии в Кенигсберг, где пробыл приблизительно до зимы 1800 – 1801 гг. К этому времени и относится получение им упомянутого поручения от Канта и работа над изданием «Логики». Впоследствии Йеше был профессором Российского Императорского университета в Тарту (с 1802 г.). К числу его заслуг в области кантоведения принадлежит кроме написания

руководства по логике собрание материалов по переписке Канта. Йеше был первым, кто 7 декабря 1805 г. в «Кенигсбергской газете Хартунга» призвал всех корреспондентов Канта организовать сбор писем. Его коллекция стала основой для состоявшегося впоследствии первого издания переписки Канта.

[2] Впервые вышла в Кенигсберге в издательстве Фридриха Николовиуса в 1800 г. В дальнейшем неоднократно переиздавалась (трижды только в течение 1800 – 1801 гг.).

[3] См. статью, предваряющую настоящую публикацию.

[4] См. там же.

[5] Экземпляр учебника был переплетен так, что между его страницами были листы бумаги, на которых Кант делал свои пометки.

[6] Йеше несколько изменяет структуру учебника Майера. «Логика» тем самым подразделяется на «Введение», «Всеобщее элементарное учение» и «Всеобщее учение о методе». Впрочем, уже сам Кант в лекциях критического периода не следовал порядку разделов Майера со всей строгостью. Названия частей «Логики» Йеше почти совпадают, например, с Reflexionen 1703¹⁶.

[7] Йеше дословно цитирует Reflexionen 2838¹⁷. Подобное выражение можно встретить также в конспектах Пёлица и Вина.

[8] Здесь необходимо сделать некоторые замечания относительно терминологии. Согласно существующей сейчас традиции, мы употребляем в отношении данной логики слово «формальная». В опубликованной в 1998 г. книге И. Грифцовой «Логика как теоретическая и практическая дисциплина», где Канту посвящена отдельная глава, представляющая в отечественной литературе определенный шаг вперед в изложении кантовских взглядов на формальную логику, вслед за фон Вригтом высказывается мысль о том, что Кант первым употребил термин «формальная» по отношению к логике¹⁸. На наш

¹⁶ AA, Bd. XVI. S. 88.

¹⁷ Ibid. S. 540.

¹⁸ См.: Грифцова И. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. М., 1998. С. 57.

взгляд, следовало бы более основательно исследовать сей предмет, прежде чем это утверждение начало бы кочевать по страницам кантоведческой литературы в качестве совершенно определенного факта.

Кант в своей дихотомии логики всегда строго придерживался терминов *общая* (*gemeine*) или *всеобщая* (*allgemeine*). Но есть и два исключения.

В одном из разделов «Критики чистого разума» написано: „Da gedachte bloß formale Logik von allem Inhalte der Erkenntniß... abstrahirt...“¹⁹ (Так как эта чисто формальная логика отвлекается от всякого содержания познания...) (3, 216). Здесь слово «формальная» относится к описанной в предыдущем абзаце общей логике и является, по сути, одной из ее характеристик, как, например, в *Jäsche-Logik*: «zwischen der eigentlichen (allgemeinen) Logik, als einer bloß formalen Wissenschaft»²⁰. Кроме того, более точным переводом было бы: «Так как мыслимая лишь формально логика...».

В «Основоположениях метафизики нравов», говоря о *чистой*, т.е. исходящей исключительно из априорных принципов, философии, Кант пишет: «Die letztere, wenn sie bloß formal ist, heißt Logik...»²¹ (Последняя, если она только формальна, называется логикой...) (4(1), 222). В этом месте термин «формальная» относится скорее к чистой философии, чем к логике.

Для полноты анализа стоит заметить, что Кант периодически употреблял прилагательные «формальный» и «логический» как синонимы. К тому же есть предположение, что именно Кант был одним из первых, кто ввел в широкий немецкоязычный научный оборот сам термин «логика», заимствовав его из латинского языка. До этого времени в сочинениях, написанных не на латыни, употреблялись в основном термины, производные от слова «разум» (*Vernunft*), например «учение о разуме» (*Vernunftlehre*). Да и термин «формальная

¹⁹ AA, Bd. III. S. 130; A131, B 170.

²⁰ AA, Bd. IX. S. 9.

²¹ AA, Bd. V. S. 388.

логика» появился впоследствии в научном языке скорее всего благодаря работам Канта.

[9] Имеется в виду кантианец Людвиг Генрих Якоб (Jakob) (1759 – 1827), профессор философии в Галле и его сочинение: *Grundriß der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik*. Halle, 1788.

[10] *Wissenschaftslehre* – термин, обозначающий философскую систему Фихте. По сложившейся традиции здесь и далее переводится как «наукоучение». Фихтеанской критике философии Канта посвящено сочинение самого Йеше «*Stimme eines Arktikers über Fichte und sein Verfahren gegen die Kantianer*» (1799).

[11] Йеше ссылается, скорее всего, на первое издание сочинения Фихте «*Основа общего наукоучения*» (*Grundlage des gesamten Wissenschaftslehre*, Jena und Leipzig, 1794).

[12] *Wissenschaftslehrers* – дословно «наукоученые».

[13] Христоф Готтфрид Бардили (Bardili) (1761 – 1808). С 1790 г. проф. философии в Штутгарте. В том же году, в котором вышла «Логика» Йеше, издал свое сочинение «*Grundriß der ersten Logik*».

[14] Этому намерению не суждено было осуществиться.

Пер. с нем. В. Курпакова.